
Глава 31. Смерть переселенца в книгу

Согласно сюжету, У Шаоцян в это время должен был тихо и незаметно сидеть в поместье семьи У. Как он мог оказаться здесь, да ещё и выпустить столь сокрушительную стрелу?

В книге юноша должен был умереть лишь спустя несколько лет, а затем внезапно появиться вновь лишь через долгие годы!

Пытаясь лихорадочно вспомнить сюжет романа, Цзи Бопин обращал внимание не только на приключения главного героя. Просто следовать за взором протагониста было легче всего, но беглец анализировал и судьбы героинь, и ходы второстепенных злодеев. Он старательно выуживал из памяти даже мимолётные упоминания об удачах пушечного мяса.

На ранних этапах Бопин умудрился присвоить немало ресурсов, предназначавшихся не только главному герою, но и другим персонажам. Однако была одна-единственная возможность, к которой он не смел даже прикоснуться.

Она принадлежала У Шаоцяню.

Этот человек был слишком страшен. Настолько, что при чтении Бопин находил образ этого «босса» невероятно харизматичным, но, оказавшись внутри истории, задрожал от ужаса. Следуя по сюжетной линии, он даже не решался записывать ключевые моменты, связанные с ним, боясь привлечь внимание этого монстра самим фактом своего знания.

В оригинальном сюжете между У Шаоцянем и главным героем какое-то время существовала дружба. Позже протагонист ушёл вперёд, а тот по неизвестным причинам исчез.

В книге не говорилось прямо, как именно он умер, упоминалось лишь, что он пал от рук завистников. Однако в миг его кончины божественная душа, вместо того чтобы рассеяться, была поглощена повреждённым зеркалом, и тогда... произошло это проклятое слияние человека и артефакта.

Артефакт назывался Зеркало Инь-Ян, Заглядывающее в Небеса — сокровище девятого ранга высшего качества. У него было три условия признания хозяина:

Во-первых, талант мастера должен достичь бессмертного ранга, но при этом он должен лишиться своего сопутствующего сокровища. Только тогда зеркало могло занять освободившееся место.

Во-вторых, мастер должен умереть, чтобы его душа вошла в зеркало.

В-третьих, к моменту смерти мастер должен достичь как минимум Сферы Освящения, чтобы начать формирование изначальной души.

В какой семье не стали бы оберегать гения бессмертного ранга? Кто позволил бы ему так просто погибнуть? Мастера с таким талантом и без того обладали сокровищами девятого ранга и никогда не стали бы калечить себя или искать смерти ради сомнительного шанса на возрождение.

Но из-за того, что артефакт был немного повреждён, его качество упало с высшего до среднего. И — вот ведь ирония! — девятый ранг среднего качества как раз соответствовал пиковому таланту небесного ранга. Это сокровище было будто создано специально для У Шаоцзяня.

Цзи Бопину и в голову не приходило избавляться от У Шаоцзяня, пока тот был слаб. Если бы он действительно убил его сейчас, зеркало призвало бы душу юноши ещё раньше. Более того, Бопин навеки стал бы его кровным врагом. Воскреснув, тот первым делом стёр бы его в порошок!

Зеркало не зря называлось «Заглядывающим в Небеса». Если оно способно взирать на небесные тайны, разве не выследит оно какого-то Цзи Бопина? Где бы тот ни спрятался, артефакт нашёл бы его след.

Так было написано в книге. Первым делом после возрождения У Шаоцзянь отыскал своих мучителей и подверг их казням, перед которыми бледнел сам ад. Те несчастные уже достигли Сферы Освящения, и он вырвал их изначальные души, заточив в артефакте. Даже смерть не принесла им покоя: они страдали в недрах зеркала, пока не истаяли окончательно.

Цзи Бопин не желал занимать их место. В памяти всплывали описания из романа: когда популярность персонажа У Шаоцзяня взлетела до небес, автор посвятил его прошлому целые главы. И хотя это были по большей части сторонние описания, от них веяло таким могильным холодом, что кожа покрывалась мурашками.

В книге говорилось: придя в себя, У Шаоцзянь обретал способность принимать свой

прижизненный облик с помощью силы зеркала. Внутри пространства артефакта он бесконечно тренировался и усваивал его мощь. К моменту своего появления перед миром он уже достигал Сферы Слияния.

Единственной его проблемой было восстановление повреждённого зеркала. Без этого он не мог двигаться дальше: для Сферы Возведения Дворца требовалось чистое сияние сопутствующего сокровища, чтобы укрепить и сформировать Дворец Дао. Ущербное зеркало не могло завершить этот процесс.

Зеркало Инь-Ян, Заглядывающее в Небеса было редчайшим сокровищем, способным перемещаться между мирами живых и мертвых. Обычно высокоранговое сокровище после слияния с мастером лишь защищало его изначальную душу — и только полное уничтожение артефакта могло ей навредить. Если же физическое тело мастера разрушалось до достижения Сферы Превращения в Духа, а под рукой не оказывалось редчайших снадобий для восстановления плоти, душа просто рассеивалась или уходила в мир теней. Но хозяин этого зеркала, хоть и должен был сначала умереть, после завершения признания мог буквально возродиться из крови и плоти.

Чтобы починить такое сокровище, требовались колоссальные объёмы материалов с атрибутами Инь и Ян. И хотя после слияния сила Шаоцяня была лишь средней для его уровня, он обладал поистине кошмарной защитой. Чтобы убить его, нужно было сначала разрушить зеркало, а сделать это могло лишь сокровище девятого ранга как минимум среднего качества в руках сильнейшего мастера. Даже гений бессмертного ранга, не достигнув пика сил, был неспособен на это.

Поэтому, когда У Шаоцянь начал странствовать по миру в поисках материалов для ремонта, никто не мог ему противостоять, пока за дело не брались величайшие владыки. А по мере того как артефакт восстанавливался, даже они становились бессильны.

Способность «Заглядывать в Небеса» не ограничивалась поиском врагов. Зеркало указывало путь к нужным материалам. Если У Шаоцянь прибывал на место и обнаруживал, что ресурс уже кем-то похищен, артефакт мог прокрутить видения прошлого и пометить похитителя. Все тайное становилось явным.

Во многих главах описывалось, как юноша опаздывал на шаг. Если похититель был слабее, он просто приходил к нему в дом; если сильнее — использовал любые средства, чтобы вырвать своё. Его путь всегда сопровождался кровавыми бурями.

Разве смел Цзи Бопин посягнуть на то, что нужно было У Шаоцяню? Это не главный герой, которому сокровища сами падали в руки; тот шёл за тем, что указывало зеркало. Если украдёшь сейчас — через несколько лет обнаружишь на своём пороге улыбающегося У Шаоцяня. А если успеешь потратить ресурс — улыбка на его лице сменится выражением чистейшего зла.

Были и те, кто пытался объединиться против него, но У Шаоцянь обладал пугающим чутьем на опасность. Он выжал из зеркала всё: стоило кому-то произнести его имя — он чувствовал это. Даже если имени не называли, а просто замыслили недоброе или обсуждали его за глаза — он знал. Почувствовав угрозу, он начинал настраивать зеркало, пока в нём не отражались лица заговорщиков.

Именно из-за этого зеркала Цзи Бопин никогда не делал записей об У Шаоцяне и старался даже не думать о нём.

Такого человека трудно было назвать благодетелем, но в сюжете он не был и абсолютным злодеем. Главный герой описывал его как некогда благородного и светлого человека, который после падения стал угрюмым, но сохранил достоинство. В своей «второй жизни» он стал непредсказуемым: то покладистым, то безумным. Его можно было назвать мстительным, а можно — капризным.

Памятуя о былой дружбе, Шаоцянь позволил главному герою первым забрать нужные ресурсы, когда тот был в Сфере Освящения. Он не стал грабить протагониста и даже однажды помог ему, увидев в зеркале, как на того напали. Главный герой тогда не узнал своего спасителя, но был преисполнен благодарности.

Однако эта мимолетная доброта не помешала У Шаоцяню хладнокровно убить величайшую любовь протагониста. Несмотря на всю боль, ярость и отчаяние героя... тот не проявил милосердия. Получив то, что ему было нужно, он просто ушёл.

В тот момент главный герой всё ещё находился в Сфере Освящения. Совсем недавно он с огромным трудом добыл сокровища Инь и Ян, чтобы освятить своё сопутствующее сокровище, и У Шаоцянь спас ему жизнь. Но вскоре после этого протагонист попал в засаду, был тяжело ранен и, потеряв память, отдался на волю течения реки...

Его нашла Му Линьэр — прекрасная и чистая девушка, жившая в уединении в горной долине. Она была изгнана туда и росла в неведении о зле мира. Когда её соплеменники перестали присылать провизию, она даже не поняла, что произошло что-то странное. Она спасла героя, выходила его, и они, движимые искренним чувством, полюбили друг друга.

Во всей книге только отношения с Му Линьэр были лишены корысти и интриг. Это была чистая, беззаветная любовь. Но у судьбы были другие планы: Му Линьэр обладала Изящным сердцем холодной луны.

Их счастье длилось всего три месяца. В день своего двадцатилетия сердце Линьэр срезонировало с холодной луной, её тело вспыхнуло энергией, и в ту ночь они с героем стали

близки. Протагонист получил от этого союза огромную выгоду.

Но этот же всплеск силы на следующий день привёл в долину У Шаоцяня. Главный герой и близко не был ему равным по силе. Шаоцянь с пугающей лёгкостью подавил сопротивление и на глазах у героя вырвал сердце из груди Му Линьэр. Девушка успела лишь издать последний вздох, прощаясь с любимым. В один миг протагонист рухнул с вершин блаженства в пучины ада, поклявшись отомстить У Шаоцяню, заставить его заплатить кровью за кровь!

Однако вскоре память вернулась к герою. Пока он был в беспамятстве, Шаоцянь казался ему лишь заклятым врагом, а Линьэр — единственной любовью. Но, вспомнив всё, он осознал, что у него есть и другие женщины, которых он не может бросить.

Ситуация стала невыносимой: У Шаоцянь был не только его бывшим другом, с которым его связывало прошлое, но и его спасителем. К тому же, когда герой попытался узнать больше о прошлом Му Линьэр, правда оказалась горькой. Её клан был истреблен не случайно — они практиковали злые методы, погубив тысячи жизней, чтобы искусственно взрастить в Линьэр то самое сердце. Её растили в чистоте и неведении лишь для того, чтобы в нужный срок принести в жертву прародителю клана. Му Линьэр просто повезло, что её убежище осталось тайной после гибели соплеменников.

Протагонист окончательно запутался. Он не знал, как ему теперь относиться к произошедшему.

Эта часть сюжета должна была передать горечь утраты, неразрешимые противоречия и сложность человеческих чувств... Но Цзи Бопин вынес из неё лишь одно: не вздумай пытаться подружиться с Шаоцянем, пока тот слаб. Разве главный герой не дружил с ним? Разве это помешало У Шаоцяню?

Нисколько.

В тех главах, что Бопин успел прочитать, У Шаоцянь продолжал сеять хаос. Он появлялся внезапно: то помогал герою, то убивал его близких. Ибо там, где есть Инь, должно быть и Ян. Изящное сердце холодной луны требовало баланса, и Кровь семи сокровищ алого солнца могла его дать. Эта кровь текла в сердце лучшего друга главного героя...

У Шаоцянь вырвал и это сердце, выжал из него всю кровь до последней капли и исчез. Протагонист прибыл лишь для того, чтобы поймать брошенное ему иссохшее сердце своего брата.

Анализируя сюжетные линии, Бопин понял, что У Шаоцянь, скорее всего, доживёт до самого конца. Великие мастера не станут рисковать жизнью ради мести, если он не тронет их собственных детей. А главный герой, несмотря на всю ненависть, связан узами долга и памяти. Протагонист слишком благороден, чтобы убить того, кто столько раз спасал его жизнь.

Если даже главный герой не поднимет меча, кто ещё сможет остановить такого человека?

Цзи Бопин твёрдо решил: никогда не вставать на пути У Шаоцяня. Лучше всего — если тот даже не заметит его существования. Когда Шаоцянь был в зените славы, Бопин, крадя ресурсы у героя, старался затеряться в толпе, наблюдая за ним издалека. Он был предельно осторожен, сводя своё присутствие к минимуму. Он запомнил лицо Шаоцяня: стоило бы им хоть раз оказаться рядом — и он бежал бы без оглядки.

Но он и представить не мог, что встретит У Шаоцяня сейчас, спасаясь от погони! И в глазах юноши была явная жажда крови — он едва не лишил его жизни одним выстрелом!

Бопина затрясло от ужаса. Кожа покрылась холодным потом. В этот миг, не помня себя, он прибегнул к единственному, что могло дать ему шанс.

Метод Кровавого Жертвоприношения — он отдал более половины своей плоти и крови, едва сохраняя искру жизни, чтобы обрести двадцатикратную скорость и скрыться!

Реакция Цзи Бопина была слишком быстрой. Стоило ему увидеть У Шаоцяня, как его тело словно взорвалось, окутавшись густым алым маревом. В следующую секунду он исчез, появившись лишь в сотнях ли от места встречи.

Лицо У Шаоцяня осталось холодным.

Чжун Цай вышел из леса и активировал марионетку «Лазурный мечник»:

— Ступай. Приведи его.

Марионетка рванулась вперёд, в мгновение ока развил скорость, превосходящую даже безумный рывок беглеца.

Чжун Цай странно посмотрел на Шаоцяня:

— Старина У, ты его знаешь? Он выглядел так, будто увидел саму смерть.

У Шаоцянь нахмурился:

— Вижу впервые.

Если бы они хоть раз пересекались, он бы это запомнил. Зрение мастера не подводит, но в памяти не было ни единого зацепа.

— Он даже пытался лицо закрыть, — добавил Цай. — Будь он твоим врагом, такая реакция была бы понятна, но вы же не знакомы. Что он затеял?

В этот момент появился Сян Линь и почтительно поклонился. У Шаоцянь выстрелил лишь потому, что почувствовал приближение своего стража. Он знал, что страж преследует шпиона, и рассчитал силу удара так, чтобы не убить того сразу, оставив возможность для допроса.

Друзья переглянулись, не находя объяснений.

— Неужели этот тип охотился именно за тобой? — прищурился Чжун Цай.

— Если за мной, то почему он так тщательно выведывал всё о делах деда? — возразил У Шаоцянь.

Это было логично. Цай сам только недавно нашел деда, а Шаоцянь прежде никак не был связан с «Западным тигром». Охотнику на Шаоцяня незачем было изучать подноготную отряда охотников, да ещё так дотошно.

Чжун Цай с подозрением покосился на Шаоцяня:

— Слушай, старина У, может, ты раньше кого-то слишком жестоко приложил, он это видел и теперь до смерти тебя боится?

У Шаоцяня на лбу вздулась вена.

— Ты думаешь, моя стрела могла нанести ему больший вред, чем то, что он сам сотворил со своей плотью?

Цай промолчал. Действительно, тот несчастный ради спасения буквально вывернул себя наизнанку.

— Идём к воде, — вздохнул Чжун Цай. — Сян Линю тоже нужно передохнуть.

У берега водопада Сян Линь кратко доложил о погоне. Чжун Цай лишь присвистнул:

— Столько талисманов быстрого шага... Парень явно из осторожных.

— Я тоже подготовлю запас, — кивнул Шаоцянь. — Качеством повыше тех, что были у него.

— На тебя вся надежда! — рассмеялся Цай.

Вскоре вернулась марионетка. В её руках было нечто, едва напоминающее человека — бесформенный ком окровавленной плоти.

Друзья застыли в молчании. Неужели этот безумец настолько боялся плена, что довёл себя до такого состояния? Стоило ли оно того?

То, что лежало на земле, едва дышало. Кости были обнажены, прикрытые лишь тончайшим слоем лохмотьев плоти. Сквозь прорехи в грудной клетке было видно, как судорожно бьётся сердце и работают лёгкие. Лицо превратилось в подобие черепа — опознать человека было невозможно. Видимо, он продолжал приносить в жертву свою плоть даже во время бегства, и всё равно не забыл окончательно изуродовать лицо.

Чжун Цай глубоко вздохнул. Ему хотелось прекратить мучения этого существа, но странности происходящего не давали ему покоя. Этот человек не просто готовил заговор против деда — он панически боялся Шаоцяня. Оборвать его жизнь сейчас — значило оставить загадку неразгаданной.

Цай замаялся, не зная, как подступиться к допросу. Но время поджимало — искра жизни в теле шпиона затухала. У Шаоцянь, понимая состояние друга, достал флакон со столетним духовным молоком и капнул несколько капель на окровавленные остатки.

Сердце в разверстой груди забилось ровнее, дыхание стало глубже.

Цзи Бопин с трудом приоткрыл глаза и снова увидел У Шаоцяня.

Поймали... всё-таки поймали.

Он заметил Сян Линя и понял, что этот человек всё время преследовал его. Значит, за ним охотился сам Шаоцянь. Бопина захлестнула волна невыносимой горечи. Он был так осторожен! Как он мог допустить такую ошибку?

Затем он услышал чистый, звонкий голос юноши.

— Эй! Зачем ты шпионил за моим дедом? И почему ты так боишься Шаоцяня?

Перед взором Бопина предстало красивое лицо подростка, полное искреннего недоумения.

Кто это? Как он назвал У Шаоцяня? Старина У?

Цзи Бопин увидел, как юноша по-хозяйски положил руку на плечо Шаоцяня, и тот не только не оттолкнул его, но и всем своим видом выказывал готовность защищать этого мальчишку. Зрачки Бопина расширились от шока.

Нет! Это невозможно! В книге рядом с У Шаоцянем никогда не было такого человека!

В оригинале говорилось, что после того, как Шаоцянь стал калекой, семья У силой заставила семью Чжун выдать за него свою дочь, обладавшую Плодом Укрепления Души. В семье Чжун тогда случился скандал: говорили, что вместо дочери прислали сына, и тот устроил такой переполох, что об этом трубил весь город... Потом семья У выразила недовольство, сына заменили дочерью, превратив всё в нелепый фарс. В итоге союз не был признан официально.

Шаоцянь принял плод, но тот не помог. Он окончательно замкнулся, слёг и долго не мог подняться. Когда его стражи узнали правду, они приволокли ту девицу к главе семьи У. Тот был в ярости, девицу заточили в темницу, а семью Чжун начали методично уничтожать.

Цзи Бопин лихорадочно соображал.

«Неужели этот юноша — тот самый сын, которого не стали менять обратно на дочь? Он не стал бунтовать, смирился, и именно поэтому У Шаоцянь смог удержать свою божественную душу?»

Возможно. Но это в корне меняло сюжет...

«А что, если этот мальчишка... такой же, как я? Переселенец?»

Чжун Цай наблюдал за тем, как шпион, едва придя в себя, начал вращать глазами, а его аура стала путаной и тревожной.

— О чём он там думает? Неужели так трудно подобрать слова?

У Шаоцянь холодно смотрел на окровавленное месиво, в его взгляде закипала жажда расправы. И тут произошло нечто неожиданное: человек на земле, преодолевая боль, уставился на Чжун Цая взглядом, полным безумной ненависти.

Шаоцянь напрягся, готовый нанести удар. Цай тоже опешил: с чего вдруг такая перемена? Теперь он — главный враг?

Цзи Бопин не мог этого вынести.

Почему они оба попали в эту книгу, но этот мальчишка греется в лучах славы У Шаоцяня, а он умирает в грязи?

«Ну конечно... он просто продал себя! Никчемная подстилка...»

Бопин издал хриплый, каркающий смех. В его голосе звучала неприкрытая издёвка и яд.

— У Шаоцянь... ты думаешь, он предан тебе искренне?

— Он такой же... как и я... он тоже переселенец в книгу...

Бопина забил кашель, он захлебывался кровью, но продолжал:

— Он знает всё, что должно случиться... он знал, что тебя предадут, но промолчал...

— Он ждал, пока ты падешь... чтобы втереться в доверие...

Его голос сорвался на визг:

— Разве такого, как ты, можно не бояться? Он просто нашел себе сильного покровителя!

— Ха-ха-ха!

Смех внезапно оборвался. Цзи Бопин сам пресек свою нить жизни.

Умирая, Бопин не заметил, что Чжун Цай даже не пытался его остановить. Напротив, он внимательно слушал, а когда Шаоцянь хотел оборвать эту тираду, Цай удержал его руку.

Последнее, что уловило угасающее сознание беглеца, было разочарованное ворчание:

— Ну почему он не договорил...

В этот миг Бопин смутно осознал, что мог бы выторговать себе жизнь, если бы повел себя иначе. Но было уже поздно. Он сам себя погубил.

Чжун Цай и У Шаоцянь были потрясены. Кто мог ожидать, что простая поимка шпиона обернется таким признанием? Шаоцянь не до конца понял смысл слов о «сюжете» и «переселении», но к попытке посеять раздор отнёсся с презрением. Он вырос вместе с Цаем и знал его лучше, чем кто-либо.

Мысль о том, что Чжун Цай «позволил ему стать калекой, чтобы потом сблизиться», была верхом глупости. Если бы Цай знал о засаде и предупредил его, Шаоцянь был бы обязан ему жизнью. Разве это не лучший способ завоевать доверие? К тому же, плод всё равно не вернул бы ему талант. Союз с семьей Чжун был навязан силой, и в лучшем случае Шаоцянь испытывал бы к супругу лишь холодную жалость.

Шаоцянь был уверен: если бы Чжун Цай знал, он бы костью лёг, но предупредил. Все эти годы Цай отдавал ему лучшее, что у него было, и Шаоцянь не мог не чувствовать этой искренности. Он ласково погладил друга по спине, стараясь его успокоить. Он думал, что Чжун Цай сейчас вне себя от гнева.

Так оно и было. Чжун Цай был в ярости.

Этот тип знал, что Шаоцяня предадут! У него было время шпионить за отрядом, но не нашлось минуты, чтобы анонимно передать весть? Неужели Шаоцянь поспешил бы на награду? Ладно, допустим, он до смерти его боялся... это можно понять... но всё равно — как можно было молчать!

Шаоцянь прошёл через ад, через отчаяние и унижение. Цай понимал, что этот человек не был обязан помогать, но после его попытки ударить в спину даже перед смертью никакой жалости к нему не осталось. Тот хотел забрать Чжун Цая с собой в могилу, даже не понимая, какая связь на самом деле объединяет его с У Шаоцянем.

Даже Сян Линь, стоявший в стороне, не поверил ни единому слову мертвеца. Он не понял ничего про «книгу», но суть уловил: господин Чжун Цай якобы обманывает хозяина. Это было смехотворно. Хозяин не слеп и прекрасно видит, кто предан ему душой и телом. В той ситуации Шаоцянь был единственной опорой для Цая, и чем сильнее был хозяин, тем лучше жилось самому господину Цваю. Какой смысл было сознательно вредить своей единственной защите?

Чжун Цай несколько раз глубоко вздохнул, унимая ярость. У Шаоцянь отослал Сян Линя, приказав следить, чтобы никто не приближался, а затем мягко приобнял друга.

— Цай-эр, успокойся, успокойся. В итоге всё обернулось благом. Не стоит тратить силы на слова этого безумца.

Чжун Цай угрюмо уселся на камень, потянув Шаоцяня за собой. Тот сел рядом, не сводя с него заботливого взгляда. Цай приказал марионетке обыскать тело и тихо произнёс:

— Я не собирался ничего от тебя скрывать, просто не видел в этом смысла.

Шаоцянь молча слушал, его взгляд оставался тёплым.

— У меня действительно была прошлая жизнь, — признался Чжун Цай. — В совершенно ином мире, где люди не умели совершенствоваться, а законы были другими. После смерти я родился здесь и думал, что просто попал в иной мир. А оказалось... оказалось, всё это — какой-то роман.

Цай поморщился.

— Хотя я не верю, что мы — просто буквы на бумаге. Либо тот, кто писал это, обладал божественным даром провидения, либо ему всё это приснилось. Неважно. Главное — это реальность.

У Шаоцянь помрачнел:

— Твоя прошлая жизнь...

— Всё в порядке, — отмахнулся Чжун Цай. — У меня было больное сердце, я не дожил и до двадцати. В этой жизни было почти так же, но теперь я здоров. — Он попытался улыбнуться. — Кстати, по тем меркам я куда старше тебя. Так что зови меня «старшим братом».

— В этой жизни старший здесь я, — отрезал У Шаоцянь, и Чжун Цай не стал спорить.

В это время марионетка закончила обыск. У погибшего нашлось три сумки из горчичного семени: одна синяя и две зелёные.

— Ого, хитёр! Сразу три тайника, — присвистнул Чжун Цай.

Он протянул синюю сумку Шаоцяню, и они принялись разбирать добычу. Там было всего понемногу: талисманы, пилюли, духовные инструменты. Несколько редких трав, таинственные жемчужины и около восьмидесяти тысяч золотых монет. Таинственные артефакты второго ранга были в основном боевыми — защитные, видимо, парень израсходовал во время погони. Для них это не было богатством, но для обычного мастера Текущего Притяжения — целое состояние.

Чжун Цай принялся сортировать вещи, решив позже отдать ненужное слугам. Шаоцянь тем временем взял в руки несколько тетрадей. Среди них была одна с пустым переплетом.

— Давай посмотрим, — предложил Цай.

Тетради оказались пустыми. Чжун Цай не поверил:

— Он не стал бы хранить пустую бумагу. Здесь должна быть какая-то защита.

Шаоцянь на мгновение задумался, затем достал талисман и приклеил его к обложке.

— Что это? — спросил Цай.

— Талисман Разрушения Иллюзий первого ранга. Я нарисовал его на днях.

Стоило талисману вспыхнуть, как на страницах проступили плотные ряды иероглифов. Очевидно, Бопин наложил на записи морок, но из-за нехватки сил защита была слабой.

— Хитрец, — пробормотал Цай. Они склонились над тетрадь.

— Странные символы... — У Шаоцянь нахмурился.

— Половину ты не поймешь, — усмехнулся Чжун Цай. — Это письменность моего мира. Причём разных стран.

Цзи Бопин был крайне предусмотрителен: он использовал не только русский, но и английский с другими языками, чтобы никто в этом мире не смог прочесть его записи. Чжун Цай смог разобрать часть текста.

— Здесь описан сюжет, — пояснил Чжун Цай. — Но он осторожен. Не называет имён, пишет просто «главный герой». Описывает, где и когда тот получит ресурсы. Информации о других персонажах почти нет.

Цай листал страницы, и его лицо выражало разочарование.

— Старина У, про тебя тут вообще ничего нет. Судя по тому, как он тебя боялся, ты должен быть каким-то великим злодеем, но ни один из описанных здесь типов на тебя не похож.

— Может, он настолько меня боялся, что даже писать не решался? — предположил Шаоцянь.

— Не льсти себе, — фыркнул Цай.

Они долго изучали записи. Чжун Цай больше всего хотел узнать, как Шаоцянь восстановил свой талант в оригинале, но ответов не было. В итоге он отдал тетрадь другу:

— Забирай. Если когда-нибудь окажемся в тех местах, проверим, правда ли там спрятаны сокровища.

Чжун Цай вздохнул:

— Значит, в этом мире есть я — тот, кто родился здесь, помня прошлое, и был этот тип, явившийся посреди пути... Кто знает, сколько ещё таких «знатоков» бродит вокруг. Хорошо, если они просто живут своей жизнью, но если начнут охотиться за тобой — это опасно.

— Тот парень меня боялся, — заметил Шаоцянь. — Думаю, большинство побоится приближаться. Но то, что он узнал тебя — это плохо.

— Не преувеличивай их ум, — покачал головой Чжун Цай. — Этот был осторожным, а сколько вокруг самовлюблённых идиотов? В сюжете меня, скорее всего, не было. Семья Чжун

наверняка прислала бы кого-то другого, и сюжет шёл бы своим чередом. Тот тип узнал нас только потому, что мы слишком часто светимся вместе...

У Шаоцянь крепко обнял друга. Их жизнь только начала налаживаться, и вдруг мир показал свою изнанку. Но, в конце концов, им повезло узнать правду раньше, чем стало слишком поздно. Теперь они будут начеку.

<http://bllate.org/book/15860/1439690>